УДК / UDC 341

DOI: 10.34076/22196838_2025_4_30

ДОГОВОР О ЗАПРЕЩЕНИИ ЯДЕРНОГО ОРУЖИЯ: ВОПРОСЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ

Синякин Иван Игоревич

Доцент кафедры международного права Московского государственного института международных отношений (Университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации (Москва), кандидат юридических наук, доцент, ORCID: 0000-0002-8899-4219, e-mail: ilc48@mail.ru.

Настоящая работа завершает исследование, начатое в статье «Договор о запрещении ядерного оружия: введение в проблематику» (2024. № 6. С. 5–12) и продолженное в статье «Договор о запрещении ядерного оружия: закрепление режима и становление механизма» (2025. № 2. С. 31–41). В заключительной части автор обращает внимание на декларируемые и действительные причины разработки Договора о запрещении ядерного оружия. Подчеркивается, что Договор 2017 г. – это попытка придать политическим декларациям отдельных стран юридически обязательную силу универсального характера, причем против желания государств, обладающих ядерным оружием. Отдельно в контексте заключения Договора рассмотрены вопросы политики ядерного сдерживания, правомерности применения ядерного оружия, договорной правоспособности разработчиков Договора и его цели. Автор приходит к выводу о неэффективности, несвоевременности Договора и предлагаемых им мер и неработоспособности закрепленных механизмов режима, о мнимости заявляемых целей и подрыве доверия как к шагам по ядерному разоружению, так и к договорной работе в этом направлении. Будущее Договора 2017 г. представляется бесперспективным.

Ключевые слова: Договор о запрещении ядерного оружия, поддержание международного мира и безопасности, право международных договоров

Для цитирования: Синякин И. И. Договор о запрещении ядерного оружия: вопросы эффективности // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2025. № 4. С. 30–42. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2025_4_30.

TREATY ON THE PROHIBITION OF NUCLEAR WEAPONS: CONSIDERATIONS ON EFFICIENCY

Sinyakin Ivan

Associate professor, Moscow State Institute of International Relations (University) MFA Russia, candidate of legal sciences, ORCID: 0000-0002-8899-4219, e-mail: ilc48@mail.ru.

The present work concludes the research initiated in the article «Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons: introduction to the problem» (2024, no. 6, pp. 5–12) and continued in the article «Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons: consolidation of the regime and establishment of the mechanism» (2025, no. 2, pp. 31–41). In this concluding study the author focuses on the declared and actual reasons for the development of the Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons. It is emphasized that the 2017 Treaty is an attempt to give legally binding force of a universal nature to the political declarations of individual countries, despite the opposition of nuclear states. The issues of nuclear deterrence policy, the legality of the use of nuclear weapons, the treaty capacity of the developers of the Treaty, and its objectives are examined separately in the context of the conclusion of the Treaty. The author concludes that the Treaty and the measures it proposes are ineffective and untimely, and that the established mechanisms of the regime are dysfunctional, with the declared goals being illusory and undermining trust both in nuclear disarmament efforts and in treaty negotiations in this area. The future of the 2017 Treaty appears bleak.

Key words: Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons, maintaining of international peace and security, law of treaties

*For citation: Sinyakin I. (2025) Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons: considerations on efficiency. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu»*, no. 4, pp. 30–42, DOI: http://doi.org/10.34076/22196838_2025_4_30.*

Помимо непосредственного содержания Договора о запрещении ядерного оружия (далее – ДЗЯО), закрепившего спорные представления отдельной части международного сообщества об основах международного мира и безопасности, механизмах его обеспечения, самостоятельный интерес представляют собой взгляды, побудившие заключить ДЗЯО, а также истинные цели разработчиков и сторонников принятия документа.

Сторонники запрещения ядерного оружия говорят о том, что ДЗЯО – ответ на обеспокоенность угрозой любого применения ядерного оружия, результатом которого станет широкий, долгосрочный ущерб всему человечеству и планете¹. Это обусловило логику ДЗЯО, построенную на переоценке политики ядерного сдерживания с позиций негативных гуманитарных последствий, переосмыслении права на самооборону, лишении ядерных держав главной ответственности за осуществление разоружения и применении рамочных документов вместо всеобъемлющей детализированной конвенции². Основанный на принципах гуманизма, ДЗЯО в большей степени ориентирован на защиту человечества и будущих поколений, нежели на современное обеспечение безопасности государств³. Кроме того, сторонники ДЗЯО, указывая на противоречие угрозы или применения ядерного оружия нормам международного гуманитарного права, отмечают, что Договор объявляет ядерное оружие незаконным средством обеспечения международной безопасности вне зависимости от того, кто им обладает⁴.

Критикуя современное состояние усилий государств в области ядерного разоружения, сторонники ДЗЯО отмечают, что Договор о нераспространении ядерного оружия 1968 г. (далее – ДНЯО) вместо промежуточного, «трансформационного» режима, преследующего цель поступательного отказа от ядерного оружия, превратился в режим *status quo*, обеспечивающий интересы ядерных держав и легализующий обладание ядерным оружием⁵. Поддержанию *status quo* способствовали ограниченная пространственная сфера действия Договора о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, в космическом пространстве и под водой 1963 г., исключительно региональный характер договоров о безъядерных зонах, малая вероятность вступле-

¹ Дергачев А. Ю. Проблема ядерного разоружения в мировой политике (по материалам ежегодников Стокгольмского международного института исследования проблем мира) // Гуманитарные проблемы военного дела. 2020. № 2. С. 33; Марусин И. С. Договор о запрещении ядерного оружия 2017 года и перспективы его применения // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2018. № 1. С. 26; Craig C. Can the Danger of Nuclear War Be Eliminated by Disarmament? // *Non-Nuclear Peace. Beyond The Nuclear Ban Treaty* / ed. by T. Sauer, J. Kustermans, B. Segaert. Switzerland: Palgrave Macmillan, 2020. P. 176–177; Dennis A. The Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons // *Disarmament, Peace and Development*. 2018. Vol. 27. P. 64; Fleck D. The Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons: Challenges for International Law and Security // *Nuclear Non-Proliferation in International Law*. Vol. IV: Human Perspectives on the Development and Use of Nuclear Energy / ed. by J. L. Black-Branch, D. Fleck. Berlin: Springer, 2019. P. 395–415; Williams H. Nuclear Babel: Narratives Around the Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons // *The Nonproliferation Review*. 2018. Vol. 25(1–2). P. 59.

² Марусин И. С. Указ. соч. С. 27; Tannenwald N. The Humanitarian Initiative: A Critical Appreciation // *Non-Nuclear Peace. Beyond The Nuclear Ban Treaty*. P. 118; Williams H. Op. cit. P. 54.

³ Rietiker D. The Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons: A Further Confirmation of the Human and Victim-Centred Trend in Arms Control Law // *Nuclear Non-Proliferation in International Law*. Vol. IV. P. 326–327.

⁴ Чернега В. Н. Ядерный арсенал Франции и ее подходы к нераспространению и запрещению ядерного оружия // Актуальные проблемы Европы. 2020. № 3. С. 110; Dennis A. Op. cit. P. 64.

⁵ Михайленко Е. Б., Дегтярев Н. С. Эволюция идеи запрещения ядерного оружия в контексте режима ядерного нераспространения // Вестник Томского государственного университета. История. 2019. № 62. С. 123; Considine L. Contests of Legitimacy and Value: the Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons and the Logic of Prohibition // *International Affairs*. 2019. Vol. 95(5). P. 1082; Docherty B. A. 'Light for All Humanity': the Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons and the Progress of Humanitarian Disarmament // *Global Change, Peace & Security*. 2018. Vol. 30(2). P. 20; Tannenwald N. Op. cit. P. 125.

ния в силу Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний 1996 г. (далее – ДВЗЯИ), обход вопроса о запрете ядерного оружия в двусторонних договорах между Россией и США о сокращении средств доставки ядерного оружия, обширные программы по модернизации ядерных вооружений¹.

Вместе с тем отмечается, что даже не вступивший в силу ДВЗЯИ способствовал принятию односторонних обязательств по отказу от ядерных испытаний, что норма, формально не ставшая обязательной, добровольно соблюдается и обеспечивается государствами, а в случае нарушения (например, испытания КНДР) приводит к международной ответственности². Следует заметить, что односторонний отказ от ядерных испытаний не равносителен отказу от ядерного оружия как такового (как это было и в случае с Договором 1963 г.). Что касается КНДР, то все резолюции Совета Безопасности ООН, принятые в связи с проведением ядерных испытаний в 2006–2017 гг., касались общих вопросов поддержания международного мира и безопасности, а также необходимости укрепления и соблюдения режима нераспространения ядерного оружия в соответствии с ДНЯО, режима, созданного и обеспечиваемого ядерными державами. Никакого запрета ядерного оружия как такового резолюции Совета Безопасности ООН не закрепляли. Более того, как показала практика, наложение санкций на КНДР не привело к прекращению ядерных испытаний.

Не следует также забывать, что в настоящий момент идет пересмотр прежней системы международной безопасности вследствие затянувшегося невступления в силу ДВЗЯИ, прекращения действия Договора об ограничении систем противоракетной обороны 1972 г., Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности 1987 г., выхода США и РФ из Договора по открытому небу 1992 г., а также нарастающего противостояния между странами Европы, США, РФ, Китаем, странами Ближнего Востока и Азии. Кроме того, несмотря на потенциал вышеуказанной практики ДВЗЯИ, отсутствие среди государств-участников ядерных держав выступает главным препятствием для формирования универсального международного обычая, устанавливающего запрет ядерного оружия³.

Сторонники ДЗЯО рассматривают его заключение как логическое продолжение и выполнение обязательства по ст. 6 ДНЯО, согласно которой каждый участник обязуется в духе доброй воли вести переговоры об эффективных мерах по прекращению гонки ядерных вооружений в ближайшем будущем и ядерному разоружению, а также о договоре о всеобщем и полном разоружении под строгим и эффективным международным контролем⁴. Как отметил Международный суд ООН, юридическое значение этого обязательства выходит за рамки просто обязательства должного поведения; оно является обязательством достижения точного результата – ядерного разоружения во всех аспектах; председатель Международного суда ООН Беджауи добавил, что речь идет об обязательстве, имеющем силу *erga omnes* в отношении проведения переговоров в духе доброй воли и достижения конкретного результата⁵.

В то же время справедливым может быть и другое мнение: будучи практическим воплощением ст. 6 ДНЯО о проведении и завершении переговоров о всеобщем и полном разоружении, сам ДЗЯО вовсе не обязательно является тем договором, который равным образом устраивает всех участников ДНЯО. Более того, не каждое государство-участник ДНЯО присутствовало на переговорах по ДЗЯО, а сама ст. 6 не говорит об участии в любых переговорах, на которых согласие о полной ликвидации ядерного оружия должно быть достигнуто на любых условиях. В противном случае отпадала бы потребность в каких-либо переговорах: ст. 6 ДНЯО можно было бы трактовать как отложенное обязательство уничтожить ядерное оружие, начало действия которого было бы обусловлено желанием любого государства, инициировавшего со-

¹ Володин Д. А. Правительство Дж. Трюдо и проблемы ядерного разоружения // США и Канада: экономика, политика, культура. 2018. № 5 (581). С. 46; Чернега В. Н. Указ. соч. С. 111; Docherty B. Op. cit. P. 20.

² Tannenwald N. Op. cit. P. 126.

³ Fleck D. Op. cit. P. 404.

⁴ Марусин И. С. Указ. соч. С. 28–29; Чернега В. Н. Указ. соч. С. 111; Cotta-Ramusino P. Status of Non-proliferation // International Cooperation for Enhancing Nuclear Safety, Security, Safeguards and Non-Proliferation – 60 Years of IAEA and EURATOM. Proceedings of the XX Edoardo Amaldi Conference, Accademia Nazionale dei Lincei, Rome, Italy, October 9–10, 2017 / ed. by L. Maiani, S. Abousahl, W. Plastino. Berlin: Springer, 2018. P. 107.

⁵ Краткое изложение решений, консультативных заключений и постановлений Международного суда ООН. 1992–1996 годы. Нью-Йорк: ООН, 1998. С. 112–113.

зыв соответствующей международной конференции. Иными словами, с учетом объекта и целей ДНЯО ст. 6 подразумевает как минимум три обязательных условия: обязательное участие в конференции всех ядерных держав *de jure*; достижение соглашения, которое устроит все ядерные державы; прекращение действия ДНЯО.

Политика ядерного сдерживания. Одной из главных ошибок сторонников ДЗЯО видится стремление умалить значимость политики ядерного сдерживания. Буквальное восприятие данной концепции сводится к потенциальным последствиям от применения ядерного оружия, сдерживающим вследствие этого начало открытого вооруженного конфликта между ядерными державами, а также к неравенству, которое возникает в результате «монопольного обладания» ядерным оружием как источником власти и обеспечения собственных интересов¹. Подобные оценки, как правило, поверхностны и ошибочны.

В настоящее время доктрина ядерного сдерживания остается наиболее значимым и эффективным средством обеспечения международной безопасности. Это, в частности, обусловило позицию США, Франции и Великобритании, заявивших о том, что ДЗЯО явно пренебрегает реалиями современной международной безопасности, а присоединение к Договору несовместимо с политикой ядерного сдерживания, которая на протяжении 70 лет была действенным инструментом поддержания мира в Европе и Азии². Ядерное оружие, эффективно выполняя функцию сдерживания, не допускает начала мировых вооруженных конфликтов, в том числе с использованием оружия массового уничтожения³, поэтому все войны и внутригосударственные конфликты с середины XX века являются конвенциональными. Отсюда возникает как минимум два вопроса. Возможно ли предотвратить мировые войны без политики ядерного сдерживания, особенно если принять во внимание конфликты первой половины XX века? Если ядерное сдерживание не допускает мировые войны и конфликты с использованием оружия массового уничтожения, то почему оно не способно предотвратить все остальные войны?⁴

Любое оружие, стоящее на вооружении государств, имеет разрушительный потенциал, а его применение может представлять угрозу международному миру. Самые страшные войны в истории человечества прошли без применения ядерного оружия (за исключением двух бомбардировок Японии), основные разрушения причинены обычными вооружениями. Следовательно, значение имеет не столько вид или класс оружия, сколько правила и правомерность его применения. Например, бомбардировка незащищенного города признается военным преступлением независимо от использованного оружия. Однако никто и никогда не ставил вопрос об уничтожении оружия как такового. Такая мысль утопична, неразумна и недальновидна. Тем более что в настоящее время оружие даже без его применения стало самостоятельным фактором сдерживания.

В истории нет сослагательного наклонения, но человечество не знает мир без политики сдерживания посредством ядерного оружия, однако знает мир «до ядерного оружия», помнит бесконечные войны, в том числе самые разрушительные. Как отметил А. Г. Арбатов, «безъядерный мир – это не просто нынешний мир минус ядерное оружие, а совершенно иной мир, построенный на других нормах и институтах»⁵. Политика сдерживания – это не недостаток, не «побочный эффект» от обладания ядерным оружием, не прихоть отдельных государств, это – вынужденная мера по обеспечению баланса сил в мире. От этой меры нельзя отказаться, не предложив взамен

¹ Craig C. Op. cit. P. 170.

² Арбатов А. Г. Грезы и реальности контроля над вооружениями // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63. № 11. С. 7; Fleck D. Op. cit. P. 401; Hayashi N. Is the Nuclear Weapons Ban Treaty Accessible to Umbrella States? // Nuclear Non-Proliferation in International Law. Vol. IV. P. 389; Tannenwald N. Op. cit. P. 121; Williams H. Op. cit. P. 59.

³ Чернер В. Н. Указ. соч. С. 111.

⁴ Кроме того, отмечаются и другие задачи, решаемые ядерными государствами *de jure* и *de facto*: сдерживание или отражение нападения с использованием обычных вооружений, новейших высокоточных неядерных средств; обеспечение статуса мировой державы при недостаточном экономическом потенциале; предоставление гарантий безопасности союзникам, соседствующим с мощными военными державами (отношения США с их альянсами в Европе и Азии) и др. Подробнее см.: Арбатов А. Г. Указ. соч. С. 7.

⁵ Арбатов А. Г. Указ. соч.

что-то более или равно эффективное. В свою очередь, это означает, что отказ от ядерного оружия должен проходить только после появления альтернативного, надежного средства обеспечения механизма поддержания международного мира и безопасности. Наконец, неизвестными представляются последствия для мира, оставшегося без ядерного оружия: каковы гарантии невозникновения новых общемировых конфликтов? Ядерное оружие такую гарантию дает.

Одной из авторитетных попыток поставить под сомнение доктрину ядерного сдерживания стало заявление судьи Международного суда ООН Ши, отметившего, что ядерное сдерживание находится в сфере международной политики и не имеет юридического значения с точки зрения формирования нормы международного права, запрещающей применение ядерного оружия; в связи с этим было бы несовместимо с судебной функцией Суда при определении нормы права учитывать политику сдерживания¹. С подобным мнением нельзя согласиться. Внешняя политика в конечном счете представляет собой реализацию внутригосударственных целей и интересов при взаимодействии с другими государствами. Последнее обстоятельство ставит реальность и правомерность подобной деятельности в исключительную зависимость от соблюдения норм международного права как на уровне принципов *jus cogens*, так и в части определенных областей сотрудничества. Политика ядерного сдерживания не имела бы права на существование, если бы в ее основе не лежала обширная международно-правовая база универсальных международных договоров о нераспространении ядерного оружия, безъядерных зонах, ядерных испытаниях, средствах доставки, международном контроле. Доктрина ядерного сдерживания не может рассматриваться исключительно с позиции политической науки, речь идет о действиях государств в соответствии со специальными международно-правовыми механизмами, обеспечивающими данную политику. Другим аргументом против юридической незначимости политики ядерного сдерживания является противоречие данной концепции положениям ДЗЯО. Выходит, что сугубо политическое, по мнению судьи Ши, явление находится в конфликте с нормами международного права, т. е. рассматриваемые положения концепции и договора могут быть сопоставлены, а значит, политика ядерного сдерживания может быть квалифицирована с позиций юридической правомерности.

В то же время даже сугубо неюридические оценки (например, моральные) ядерного сдерживания или простого обладания ядерным оружием как самым разрушительным на настоящий момент не имеют *a priori* негативной коннотации. Морально ли будет оставить мир и его безопасность без средств обеспечения и сдерживания от начала новых мировых войн? Морально ли способствовать приближению человечества к самоуничтожению, оставив его беззащитным в надежде на международно-правовые механизмы, которые не оправдали себя в прошлом и привели к двум мировым войнам? Морально ли освободиться от наиболее эффективного механизма гарантирования международного мира и безопасности? Наконец, не является ли утопичной идея отказа от прогресса и стремления к техническому торможению и отставанию ради морали? Как показывает практика, не следует переоценивать значение морали в вопросе нераспространения и ликвидации оружия массового уничтожения. Например, антигуманность и аморальность применения бактериологического и химического оружия стали очевидны задолго до их договорного запрещения, однако причиной такого запрета стало вовсе не противоречие морали, а неэффективность (как фактическая, так и в сравнении с ядерным оружием) и легкая доступность при небольших затратах (т. е. угроза неконтролируемого распространения среди неограниченного круга государств). В этом и заключается как логика, так и мораль прогресса: отказываться от ненужного и неэффективного в пользу более совершенного. Обратное само по себе было бы аморальным и утопическим.

Доктрина ядерного сдерживания – это закономерный результат определенных исторических событий, а международное право, объективно квалифицируя этот результат, подтверждает его правомерность или противоправность. Как показала история и практика государств, ядерное сдерживание признается в качестве правомер-

¹ Краткое изложение решений, консультативных заключений и постановлений Международного суда ООН. 1992–1996 годы. С. 113.

ного явления¹, нашедшего отражение, в частности, в ДНЯО, имеющем универсальное признание и участие. Кроме того, если режим, установленный ДНЯО, соответствует общему международному праву, то зачем разрабатывать еще один режим, который не только несовместим с ДНЯО, не является частью общего международного права, но и имеет все перспективы остаться недействительным? Теоретически можно допустить, что полное ядерное разоружение – окончательная цель и следующий шаг после реализации механизма ДНЯО. Однако это не значит, что положения ДЗЯО в том виде, в каком они зафиксированы в тексте соглашения, выступают тем самым следующим шагом.

В этой же плоскости следует рассматривать и тезисы о том, что положения, закрепленные в ДЗЯО, носят характер норм *erga omnes*²: разве существующие договорные механизмы поддержания и обеспечения международного мира и безопасности не носят характера норм *erga omnes*? В частности, это касается сложившегося режима нераспространения ядерного оружия.

К вопросу о правомерности применения ядерного оружия. Заявляемая ориентация ДЗЯО на защиту прав человека в контексте ядерного разоружения, безусловно, представляется значимой, однако она же может содержать в себе и угрозу: превалирование защиты прав человека над вопросами обеспечения международной безопасности в целом и национальной безопасности государств в частности. Однако, как показывает практика государств и международное право, права человека не являются абсолютно неприкосновенными и неизменными, в зависимости от обстоятельств они могут быть существенно ограничены³. Да и сами рассуждения о противоречии применения ядерного оружия международному гуманитарному праву⁴ излишне «дискриминационны»: поскольку ядерное оружие не запрещено, его применение должно соответствовать законам и обычаям войны или иным правомерным основаниям обращения к ядерному оружию, т. е. юридической квалификации подлежит вопрос о правомерности применения силы, а не вопрос о правомерности применения силы исключительно с помощью ядерного оружия.

Независимо от того, насколько обоснованы утверждения о противоправности применения ядерного оружия по международному гуманитарному праву или в рамках реализации права государств на самооборону⁵, невозможно абстрагироваться от основополагающего права каждого государства на выживание и, следовательно, права прибегнуть к самообороне, когда речь идет о его выживании⁶. С этим тезисом не согласился председатель Международного суда ООН Беджауи, отметив, что самооборона, если она осуществлена в указанных экстремальных обстоятельствах, не может создавать ситуацию, в которой государство освобождает себя от соблюдения «ненарушимых» норм международного гуманитарного права, без колебания отдавая выживанию государства более высокий приоритет, чем выживанию самого человечества⁷.

Данное заявление, будучи чересчур категоричным, слишком далеко от истины.

Во-первых, это высказывание не может быть отнесено к какому-то абстрактному государству, следовательно, речь идет, вероятнее всего, о ядерных державах *de jure*. Иными словами, судья рассуждает о ситуации, когда вопрос о выживании возникает у постоянного члена Совета Безопасности ООН. Это, в свою очередь, означает, что какое-то третье государство (вполне возможно, что и ядерное), зная о наличии, праве и возможности применения ядерного оружия постоянным членом Совета Безопасности ООН, тем не менее ставит его перед выбором выживания или уничтожения. Абсурдность и фантазмагоричность заявления председателя Беджауи заключается

¹ Краткое изложение решений, консультативных заключений и постановлений Международного суда ООН. 1992–1996 годы. С. 114; *Considine L.* Op. cit. P. 1082.

² *Rietiker D.* Op. cit. P. 334.

³ Такому ограничению подлежит даже право на жизнь. См. п. 1. ст. 2 Второго Факультативного протокола к Международному пакту о гражданских и политических правах, направленный на отмену смертной казни 1989 г.

⁴ Краткое изложение решений, консультативных заключений и постановлений Международного суда ООН. 1992–1996 годы. С. 110–111.

⁵ *Hayashi N.* Op. cit. P. 384–385.

⁶ Краткое изложение решений, консультативных заключений и постановлений Международного суда ООН. 1992–1996 годы. С. 112.

⁷ Там же. С. 113.

в том, что если какое-либо третье государство не способно остановить ни статус постоянного члена Совета Безопасности ООН как ядерной державы, ни политика ядерного сдерживания, ни вероятность ответного ядерного удара, то ядерное оружие вообще не должно рассматриваться как фактор силы или угроза международному миру и безопасности. Кроме того, председатель Беджауи не задается вопросом о причинах возникшего конфликта, перекладывая всю ответственность за его последствия на обороняющегося.

Во-вторых, в рассуждении председателя Беджауи ставится крайне странный выбор: либо обороняющееся государство, либо человечество. Если, по мнению судьи, о приоритете выживания государства не может быть и речи, означает ли это, что ради спасения человечества государство должно согласиться со своим уничтожением?

В-третьих, председатель Беджауи приписал ядерному оружию несуществующие характеристики, усложнив и окончательно запутав собственное утверждение. По общему правилу, применение силы в порядке самообороны осуществляется против вооруженных сил противника, локализованных на какой-то определенной территории или пространстве, это не может быть «ядерный удар по человечеству» (вдобавок ядерное оружие не обладает характеристиками оружия глобального уничтожения); такое возможно только в случае, если «все человечество» будет нападать на обороняющееся ядерное государство.

В-четвертых, неразумной и надуманной выглядит ситуация, когда государство, угроза выживанию которого неминуема и реальна, будет задаваться умозрительно-абстрактным вопросом о гипотетическом выживании человечества.

В-пятых, как показывает история и практика государств, наличие ядерного оружия у государств ни разу не допустило возникновения ситуации, описанной председателем Беджауи.

К вопросу о договорной правоспособности разработчиков ДЗЯО. Существует точка зрения, что страны, подписавшие ДЗЯО, выступают от имени большинства международного сообщества, в связи с чем ядерным державам станет труднее критиковать нарушения режима нераспространения другими государствами, поскольку, по мнению большинства (т. е. международного сообщества), именно государства, обладающие ядерным оружием, являются препятствием ядерному разоружению и нераспространению¹. Формально-юридически изложенный подход мог иметь право на существование, в частности в рамках договоров, устанавливающих «объективные режимы» (т. е. содержащих обязательства и права *erga omnes*)². Как отметил Г. И. Тункин при анализе значения одного из наиболее ярких примеров договоров, устанавливающих объективный режим, – Договора об Антарктике 1959 г., «намерение состояло в том, чтобы создать правовой режим, который бы мог стать общепринятым. Однако не было намерения навязать этот режим – любая попытка сделать это была бы противоправной»³. Следовательно, общепринятость и отказ разработчиков договора от навязывания создаваемого режима – необходимые условия для придания положениям ДЗЯО статуса норм *erga omnes*. Таким требованиям (в отличие от ДЗЯО) соответствуют, например, договоры о безъядерных зонах и ДНЯО.

Кроме того, сторонники принятия ДЗЯО не учитывают реалий развития современных международных отношений. По мнению Г. И. Тункина, «фактическое положение таково, что в международных отношениях вообще и в создании норм международного права в частности особую роль играют великие державы... Реальные средства обеспечения мира и вместе с тем средства войны находятся прежде всего в руках великих держав. Поэтому практика нередко толкает на путь предварительного согласования вопросов между великими державами, поскольку отсутствие соглашения между ними делает бесполезным, а иногда даже и вредным принятие решений по международным проблемам общего порядка»⁴. Это означает, что большинство государств международного сообщества при решении вопросов обеспечения международного

¹ Володин Д. А. Указ. соч. С. 47; Чернега В. Н. Указ. соч. С. 110–111.

² Лукашук И. И. Современное право международных договоров. Т. I: Заключение международных договоров. М.: Волтерс Клувер, 2004. С. 261–270.

³ Там же. С. 263.

⁴ Тункин Г. И. Теория международного права. М.: Зерцало, 2009. С. 243–244.

мира и безопасности будет попросту неправомочно, если среди этих государств не будет великих держав. Подобный порядок международных отношений нашел отражение в таких универсальных международных договорах, как Устав ООН (статус постоянных членов СБ ООН) и ДНЯО (статус ядерных государств). Безусловно, указанное большинство государств правомочно заключить обязательный международный договор, однако данный договор будет обязательным исключительно для его участников, а вероятность достижения цели полного ядерного разоружения – ничтожной¹. Как было отмечено Г. И. Тункиным, «соответствие или несоответствие той или иной нормы международного права закономерностям общественного развития определяет ее реальную эффективность, действенность... юридически действительная норма может в силу ряда обстоятельств оказаться неэффективной или малоэффективной»².

Не менее важным является и вопрос о фактическом вкладе разработчиков и государств-участников ДЗЯО в обеспечение международного мира и безопасности. Исторически сложилось так, что после Второй мировой войны данные государства никогда не совершали самостоятельных действий, вносящих вклад в обеспечение международного мира и безопасности на универсальном уровне. Их шаги всегда носили дополняющий (к действиям великих держав), вторичный характер либо касались вопросов регионального или даже локального, местного значения. Кроме того, не следует забывать и о реальности угрозы применения ядерного оружия против данных государств со стороны ядерных держав. Таких ситуаций история не знает, более того, современная архитектура универсального ядерного нераспространения содержит значительное число международно-правовых механизмов (двусторонние и многосторонние договоры о взаимопомощи, позитивные и негативные гарантии ядерных держав, роль ядерных государств как постоянных членов СБ ООН и др.), исключающих вероятность подобных сценариев. Этой точки зрения придерживался в несопадающем особом мнении судья Международного суда ООН Ода³.

В развитие данного тезиса также можно привести позицию Международного суда ООН, согласно которой появлению нормы обычного права, специально запрещающей применение ядерного оружия, препятствует постоянное противоречие между появляющейся *opinio juris*, с одной стороны, и все еще значительной приверженностью доктрине ядерного сдерживания – с другой⁴. Кроме того, любую разоруженческую инициативу блокирует фактическая возможность нескольких государств мира полностью уничтожить любое государство (в том числе отказавшееся от ядерного оружия), неспособное защитить себя⁵. Наконец, из вышеназванной позиции Международного суда ООН можно сделать и обратный вывод – о существовании *opinio juris* в отношении правомерности применения ядерного оружия ядерными государствами, что вытекает из их участия (равно как и неядерных государств) в ряде универсальных международных договоров: от ДНЯО до запрета ядерных испытаний и безъядерных зон. «Обратное» же *opinio juris* нашло подкрепление лишь в одном ДЗЯО.

Несмотря на формальное вступление в силу и действие ДЗЯО, не являющегося обязательным ни для одного ядерного государства, необходимо все же отметить одно юридическое последствие, которое может быть охарактеризовано как положительное: создание в пределах территорий государств-участников единой, универсальной безъядерной зоны⁶, а также закрепление более детальных (в сравнении с ДНЯО) обязательств неядерных государств. Это же одновременно является и «пределом содержательного максимума» обязательств по ДЗЯО: вероятной и наиболее реальной перспективой Договора видится лишь количественное увеличение участников в рамках обозначенного «максимума».

О цели Договора. Значительное количество недостатков ДЗЯО не могло быть очевидным его разработчикам, что ставит вопрос о целесообразности такой работы.

¹ Оторванность такого договора от реальности и его бесперспективность сопоставимы с эффективностью договора о статусе морских пространств, в котором участвовали бы только государства, не имеющие выхода к морю.

² Тункин Г. И. Указ. соч. С. 139–140.

³ Краткое изложение решений, консультативных заключений и постановлений Международного суда ООН. 1992–1996 годы. С. 116.

⁴ Там же. С. 111.

⁵ Craig C. Op. cit. P. 172.

⁶ Марусин И. С. Указ. соч. С. 20.

Более того, сторонники ДЗЯО заявляют, что Договор, несмотря на название, не преследует непосредственную цель уничтожения ядерного оружия¹, тем более что содержащийся в Договоре механизм обеспечения запрета ядерного оружия не только слаб и не продуман, но и, сводясь к буквальной обязанности «разоружиться» и «присоединиться», подписав соглашение с МАГАТЭ о гарантиях, до наивности примитивен². Основная же задача заключения ДЗЯО заключалась в «стигматизации», «клеймении» ядерного оружия³, обладание которым (не говоря уже о применении) является не только противоправным, антигуманным, но и аморальным, варварским⁴. В таком виде Договор – не столько окончательное юридическое закрепление обязанностей государств-участников, сколько промежуточное политическое заявление, реализация которого будет возможна только в будущем, когда ядерное оружие в результате начатой широкой дискуссии будет признано международным сообществом негуманным, аморальным и противоправным средством ведения войны и политики сдерживания⁵, как это стало в конечном счете с бактериологическим и химическим оружием⁶. Такая цель ДЗЯО не только не предполагала участие ядерных государств на этапе разработки его текста, наоборот, подразумевала их отсутствие во избежание проблем с последующим вступлением в силу (как это произошло с ДВЗЯИ)⁷, а также не рассматривала возможность присоединения ядерных государств к Договору⁸. Ядерным государствам отводится роль того, кто непосредственно уничтожит собственные арсеналы оружия и обеспечит разработку детализированного международного договора⁹. Отсюда возникает два вопроса. Во-первых, почему вся ответственность за неудачу очевидно непродуманного и бесперспективного договора перекладывается на ядерные государства, которые не имеют к нему никакого отношения? Во-вторых, почему фактическую реализацию ДЗЯО, а также разработку нового детализированного договора должны взять на себя третьи государства – ядерные державы, воплощая в жизнь согласованную волю других государств?

Сторонники режима ДЗЯО не предложили каких-либо концепций для эволюции права международной безопасности в целом и ядерного разоружения в частности; ими лишь декларируется цель и обозначается желательность ее наступления. В то же время полностью игнорируется обязанность обоснования, почему с точки зрения именно международного права (а не политики, морали, гуманизма и т. д.) ядерные государства должны присоединиться к ДЗЯО. Если принять во внимание тот факт, что обладание ядерным оружием и его применение для ядерных держав является правомерны, неясно, почему одно правомерное поведение необходимо изменить на другое правомерное поведение (в соответствии с ДЗЯО), установленное к тому же без их на то согласия.

Выводы

1. Простое заимствование формулировок конвенций о запрещении бактериологического и химического оружия не может стать гарантией успеха ДЗЯО. Эффективность и действенность указанных конвенций была обусловлена не столько всесторонним охватом их положений, сколько реальной заинтересованностью в их исполнении государств, обладавших таким вооружением. Всеобъемлющий запрет ядерного оружия не может быть установлен в одностороннем порядке неядерными государствами без учета интересов ядерных держав. Этих целей ДЗЯО достичь не смог, само же содержание Договора недостаточно для формирования основы «безъядерного мира»¹⁰. Неудачной является и идея обобщения и компиляции в рамках одного международного

¹ *Craig C.* Op. cit. P. 168; *Tannenwald N.* Op. cit. P. 121–122, 127; *Williams H.* Op. cit. P. 52, 56.

² *Арбатов А. Г.* Указ. соч. С. 7; *Дергачев А. Ю.* Указ. соч. С. 33; *Müller H.* What Are the Institutional Preconditions for a Stable Non-Nuclear Peace? // *Non-Nuclear Peace. Beyond The Nuclear Ban Treaty.* P. 153.

³ *Дергачев А. Ю.* Указ. соч. С. 32; *Михайленко Е. Б., Дегтярев Н. С.* Указ. соч. С. 119; *Considine L.* Op. cit. P. 1075, 1079; *Docherty B.* Op. cit. P. 20; *Tannenwald N.* Op. cit. P. 122, 127; *Williams H.* Op. cit. P. 6–7.

⁴ *Craig C.* Op. cit. P. 168; *Docherty B.* Op. cit. P. 20.

⁵ *Considine L.* Op. cit. P. 1075, 1081; *Tannenwald N.* Op. cit. P. 120, 123.

⁶ *Михайленко Е. Б., Дегтярев Н. С.* Указ. соч. С. 119.

⁷ *Müller H.* Op. cit. P. 152; *Tannenwald N.* Op. cit. P. 120.

⁸ *Cotta-Ramusino P.* Op. cit. P. 107.

⁹ *Tannenwald N.* Op. cit. P. 120.

¹⁰ *Михайленко Е. Б., Дегтярев Н. С.* Указ. соч. С. 121; *Fleck D.* Op. cit. P. 411; *Müller H.* Op. cit. P. 152.

договора положений ранее заключенных соглашений (ДВЗЯИ, о безъядерных зонах и др.), поскольку это ведет к переносу в ДЗЯО всех связанных с данными договорами проблем, например проблемы невступления ДВЗЯИ в силу, что с учетом растущих противоречий между Россией и США выглядит и вовсе несбыточным. Теперь это стало еще одной причиной неучастия в ДЗЯО. Кроме того, участие в ДВЗЯИ, в отличие от ДЗЯО, не требовало прекращения действия ДНЯО. Иными словами, проблема универсальности ДЗЯО заключается не столько в отсутствии политической воли ядерных государств, сколько в несовместимости этого Договора со всей архитектурой системы ядерного разоружения.

2. Значимым недостатком ДЗЯО явились и неверные изначальные предпосылки, положенные в основу Договора: представление о пагубности ядерного оружия и опасности обладания им. Наличие ядерного оружия у государств-участников ДНЯО никогда не приводило к применению или угрозам его применения с их стороны, данные государства активно участвовали в договорах по сокращению вооружений, созданию безъядерных зон, прекращению испытаний и т. д. Единственным «разрушительным» действием для современной системы безопасности и ядерного разоружения являются шаги США по выходу из соответствующих договоров, неприсоединению к ДВЗЯИ, созданию глобальной системы противоракетной обороны и планов размещения оружия в космическом пространстве¹. ДЗЯО (хотя и не имеющий перспектив на эффективность) содержит потенциал полного уничтожения ДНЯО, что является действительной, настоящей угрозой международному миру и безопасности.

3. Еще одной чертой ДЗЯО можно назвать его несвоевременность. Чтобы быть эффективным, процесс ядерного разоружения не должен допускать резких шагов, каждый новый этап, сопровождаемый заключением международного договора, обретающего со временем значение норм *erga omnes*, обязан быть доведен до какого-то логического завершения. Только достижение конкретного результата в области разоружения позволяет делать следующий прогрессивный шаг. Применительно к ядерному оружию такими незавершенными этапами остались вступление в силу ДВЗЯИ, заключение Договора о запрещении производства расщепляющихся материалов, заключение нового договора между Россией и США о СНВ, обеспечение гарантий отсутствия у государств «возвратного ядерного потенциала», находящегося в «оперативно неразвернутом состоянии», укрепление и создание новых безъядерных зон и т. д.² Недоведение указанных вопросов до окончательного разрешения создает впечатление спонтанности и непоследовательности действий международного сообщества, что также бросает тень сомнения и на ДЗЯО как еще один пример такого же спорадического шага.

4. Несмотря на закрепление обязательств в международном договоре, реальная суть положений сопоставима с содержанием рекомендательных актов Генеральной Ассамблеи ООН. В доктрине ДЗЯО оценивается как выражение протеста большинства неядерных стран в связи с тупиками процесса и распадом режимов контроля над ядерным оружием, свод притензий и ультиматумов в сторону «ядерного клуба», а не реальный действенный механизм, ведущий к будущему безъядерному миру³. Более того, как показывают действия государств-разработчиков, первоначально планировались подготовка и предложение *a priori* неработающего механизма с очевидными недостатками и заранее неприемлемыми условиями для ядерных государств, т. е. разработчикам ДЗЯО изначально были известны перспективы Договора «на успех», а значит, формальное вступление ДЗЯО в силу было предпочтительнее его эффективности и действенности. Иными словами, разработчики создавали видимость внесения исключительно важных и ценных предложений, которые, без всяких сомнений, были обречены на провал. Когда же ядерные государства официально заявили о своем нежелании участвовать в ДЗЯО, разработчики стали обвинять в этом

¹ Козин В. П. Возможно ли создать безъядерный мир к 2045 году? // США и Канада: экономика, политика, культура. 2018. № 6. С. 46.

² Володин Д. А. Указ. соч. С. 38; Козин В. П. Указ. соч. С. 60–61.

³ Арбатов А. Г. Указ. соч. С. 8; Комарова Л. В. Роль международных организаций в области ядерного разоружения // Вестник Донецкого национального университета. Сер. Б: Гуманитарные науки. 2019. № 3. С. 52; Муратшина К. Г., Пашкова Т. В. Китайская Народная Республика и Договор о запрещении ядерного оружия // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 441. С. 160.

не удачное содержание договорных обязательств и их оторванность от истории и современных реалий международной безопасности, а ядерные державы, указывая на их стремление оставаться обладателями самого мощного оружия как инструмента манипулирования, угроз и запугивания. Провал ДЗЯО в виде закономерного отказа ядерных государств от участия в Договоре и был целью его разработчиков. Но даже если предположить, что основная цель действий неядерных государств заключалась в инициации процесса переосмысления необходимости обладания ядерным оружием, то методика достижения данной цели подрывает доверие не только к обязательствам *erga omnes* о последовательном всеобщем разоружении, но и к международным договорам как форме закрепления таких обязательств, поскольку очевидно, что цель заключения ДЗЯО не в том, к чему призывают его положения¹. Закономерным итогом предпринятой попытки «нормотворчества» стало то, что ДЗЯО привел к «расслоению» позиций государств внутри режима ядерного нераспространения и возникновению напряженности между ядерными и неядерными государствами². Таким образом, ДЗЯО лишь формально может быть признан подлинным источником права, он, скорее, средство политического влияния. Если в этом и заключаются форма и методы, которые неядерные государства считают единственным возможным способом достижения полного ядерного разоружения, то этот способ следует признать бесперспективным.

5. Существует ли необходимость в совершенствовании современного механизма ядерного нераспространения и разоружения? Безусловно, как минимум в целях обеспечения действия тех режимов, которые уже согласованы государствами (например, ДНЯО и ДВЗЯИ)³. Кроме того, ядерные страны, например Россия, никогда не утверждали невозможность отказа от ядерного оружия в будущем. Как отметил министр иностранных дел России С. В. Лавров, согласованный принцип продвижения к безъядерному миру уже отражен в ДНЯО и увязан с обеспечением всеобщей безопасности и стабильности⁴. Другой вопрос – необходимо ли совершенствовать современный механизм ядерного нераспространения и разоружения предлагаемым ДЗЯО способом? Очевидно, что и содержание Договора, и процедура его заключения изначально имеют массу изъянов, в связи с чем сам ДЗЯО не может претендовать на выражение мнения всего международного сообщества и обрести характер и значение норм *erga omnes*. Да и сама идея полного запрета ядерного оружия – еще не гарантия международного мира и безопасности, а отсутствие такого оружия не представляет собой какой-либо ценности или прогресса.

Список литературы

Арбатова А. Г. Грезы и реальности контроля над вооружениями // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63. № 11. С. 5–16.

Володин Д. А. Правительство Дж. Трюдо и проблемы ядерного разоружения // США и Канада: экономика, политика, культура. 2018. № 5. С. 35–51.

Дергачев А. Ю. Проблема ядерного разоружения в мировой политике (по материалам ежегодников Стокгольмского международного института исследования проблем мира) // Гуманитарные проблемы военного дела. 2020. № 2. С. 30–34.

Козин В. П. Возможно ли создать безъядерный мир к 2045 году? // США и Канада: экономика, политика, культура. 2018. № 6. С. 41–65.

Комарова Л. В. Роль международных организаций в области ядерного разоружения // Вестник Донецкого национального университета. Сер. Б: Гуманитарные науки. 2019. № 3. С. 51–57.

Краткое изложение решений, консультативных заключений и постановлений Международного суда ООН. 1992–1996 годы. Нью-Йорк: ООН, 1998. 132 с.

Лукашук И. И. Современное право международных договоров. Т. I: Заключение международных договоров. М.: Волтерс Клувер, 2004. 658 с.

Марусин И. С. Договор о запрещении ядерного оружия 2017 года и перспективы его применения // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2018. № 1. С. 20–31.

¹ Здесь можно провести аналогию с мнением И. И. Лукашука о «диссимилированных» договорах: «...они создаются по формуле „чего нет, в том притворяюсь, что есть, то скрываю“ (quae non sunt, simulo, quae sunt, sa dissimulantur). Такие договоры призваны скрыть реальные цели сторон...» Подробнее см.: Лукашук И. И. Указ. соч. С. 529.

² Козин В. П. Указ. соч. С. 46; Комарова Л. В. Указ. соч. С. 53; Михайленко Е. Б., Дегтярев Н. С. Указ. соч. С. 123; Муратшина К. Г., Пашкова Т. В. Указ. соч. С. 160.

³ Арбатова А. Г. Указ. соч. С. 8; Муратшина К. Г., Пашкова Т. В. Указ. соч. С. 165.

⁴ Козин В. П. Указ. соч. С. 46.

Михайленко Е. Б., Дегтярев Н. С. Эволюция идеи запрещения ядерного оружия в контексте режима ядерного нераспространения // Вестник Томского государственного университета. История. 2019. № 62. С. 115–127.

Муратшина К. Г., Пашкова Т. В. Китайская Народная Республика и Договор о запрещении ядерного оружия // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 441. С. 160–168.

Тункин Г. И. Теория международного права. М.: Зерцало, 2009. 416 с.

Чернега В. Н. Ядерный арсенал Франции и ее подходы к нераспространению и запрещению ядерного оружия // Актуальные проблемы Европы. 2020. № 3. С. 94–117.

Considine L. Contests of Legitimacy and Value: the Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons and the Logic of Prohibition // *International Affairs*. 2019. Vol. 95(5). P. 1075–1092.

Cotta-Ramusino P. Status of Non-proliferation // *International Cooperation for Enhancing Nuclear Safety, Security, Safeguards and Non-Proliferation – 60 Years of IAEA and EURATOM. Proceedings of the XX Edoardo Amaldi Conference, Accademia Nazionale dei Lincei, Rome, Italy, October 9–10, 2017* / ed. by L. Maiani, S. Abousahl, W. Plastino. Berlin: Springer, 2018. P. 101–108.

Craig C. Can the Danger of Nuclear War Be Eliminated by Disarmament? // *Non-Nuclear Peace. Beyond The Nuclear Ban Treaty* / ed. by T. Sauer, J. Kustermans, B. Segaert. Switzerland: Palgrave Macmillan, 2020. P. 167–180.

Dennis A. The Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons // *Disarmament, Peace and Development*. 2018. Vol. 27. P. 63–65.

Docherty B. A. 'Light for All Humanity': the Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons and the Progress of Humanitarian Disarmament // *Global Change, Peace & Security*. 2018. Vol. 30(2). P. 163–186.

Fleck D. The Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons: Challenges for International Law and Security // *Nuclear Non-Proliferation in International Law. Vol. IV. Human Perspectives on the Development and Use of Nuclear Energy* / ed. by J. L. Black-Branch, D. Fleck. Berlin: Springer, 2019. P. 395–415.

Hayashi N. Is the Nuclear Weapons Ban Treaty Accessible to Umbrella States? // *Nuclear Non-Proliferation in International Law. Vol. IV: Human Perspectives on the Development and Use of Nuclear Energy* / ed. by J. L. Black-Branch, D. Fleck. Berlin: Springer, 2019. P. 377–394.

Müller H. What Are the Institutional Preconditions for a Stable Non-Nuclear Peace? // *Non-Nuclear Peace. Beyond The Nuclear Ban Treaty* / ed. by T. Sauer, J. Kustermans, B. Segaert. Switzerland: Palgrave Macmillan, 2020. P. 151–166.

Rietiker D. The Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons: A Further Confirmation of the Human and Victim-Centred Trend in Arms Control Law // *Nuclear Non-Proliferation in International Law. Vol. IV: Human Perspectives on the Development and Use of Nuclear Energy* / ed. by J. L. Black-Branch, D. Fleck. Berlin: Springer, 2019. P. 325–353.

Tannenwald N. The Humanitarian Initiative: A Critical Appreciation // *Non-Nuclear Peace. Beyond The Nuclear Ban Treaty* / ed. by T. Sauer, J. Kustermans, B. Segaert. Switzerland: Palgrave Macmillan, 2020. P. 115–129.

Williams H. Nuclear Babel: Narratives Around the Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons // *The Nonproliferation Review*. 2018. Vol. 25 (1–2). P. 51–63.

References

Arbatov A. G. (2019) Grezy i real'nosti kontrolya nad vooruzheniyami [Dreams and Realities of Arms Control]. In *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, vol. 63, no. 11, pp. 5–16.

Chernega V. N. (2020) Yadernyi arsenal Frantsii i ee podkhody k neraspostraneniyu i zapreshcheniyu yadernogo oruzhiya [France's nuclear arsenal and French approaches to the non-proliferation and prohibition of nuclear weapons]. In *Aktual'nye problemy Evropy*, no. 3, pp. 94–117.

Considine L. (2019) Contests of Legitimacy and Value: the Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons and the Logic of Prohibition. In *International Affairs*, vol. 95, no. 5, pp. 1075–1092.

Cotta-Ramusino P. (2018) Status of Non-proliferation. In Maiani L., Abousahl S., Plastino W. (Eds.) *International Cooperation for Enhancing Nuclear Safety, Security, Safeguards and Non-Proliferation – 60 Years of IAEA and EURATOM. Proceedings of the XX Edoardo Amaldi Conference, Accademia Nazionale dei Lincei, Rome, Italy, October 9–10, 2017*. Berlin, Springer, pp. 101–108.

Craig C. (2020) Can the Danger of Nuclear War Be Eliminated by Disarmament? In Sauer T., Kustermans J., Segaert B. (Eds.) *Non-Nuclear Peace. Beyond The Nuclear Ban Treaty*. Switzerland, Palgrave Macmillan, pp. 167–180.

Dennis A. (2018) The Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons. In *Disarmament, Peace and Development*, vol. 27, pp. 63–65.

Dergachev A. Yu. (2020) Problema yadernogo razoruzheniya v mirovoi politike (po materialam ezhegodnikov Stokgol'mskogo mezhdunarodnogo instituta issledovaniya problem mira) [Problem of Nuclear Disarmament in World Politics (Based on the Stockholm University Yearbooks of International Institute for Peace Research)]. In *Gumanitarnye problemy voennogo dela*, no. 2, pp. 30–34.

Docherty B. (2018) A 'Light for All Humanity': the Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons and the Progress of Humanitarian Disarmament. In *Global Change, Peace & Security*, vol. 30, no. 2, pp. 163–186.

Fleck D. (2019) The Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons: Challenges for International Law and Security. In Black-Branch J. L., Fleck D. (Eds.) *Nuclear Non-Proliferation in International Law. Vol. IV. Human Perspectives on the Development and Use of Nuclear Energy*. Berlin, Springer, pp. 395–415.

Hayashi N. (2019) Is the Nuclear Weapons Ban Treaty Accessible to Umbrella States? In Black-Branch J. L., Fleck D. (Eds.) *Nuclear Non-Proliferation in International Law. Vol. IV. Human Perspectives on the Development and Use of Nuclear Energy*. Berlin, Springer, pp. 377–394.

Komarova L. V. (2019) Rol' mezhdunarodnykh organizatsii v oblasti yadernogo razorozheniya [The Role of International Organizations in the Field of Nuclear Disarmament]. In *Vestnik Donetskogo natsional'nogo universiteta. Ser. B: Gumanitarnye nauki*, no. 3, pp. 51–57.

Kozin V. P. (2018) Vozmozhno li sozdat' bez'yadernyi mir k 2045 godu? [Is it Possible to Have Non-Nuclear World in 2045?]. In *SShA i Kanada: ekonomika, politika, kul'tura*, no. 6, pp. 41–65.

Kratkoe izlozhenie reshenii, konsul'tativnykh zaklyuchenii i postanovlenii Mezhdunarodnogo suda OON. 1992–1996 gody (1998) [Extracts of Judgements, Advisory Opinions and Orders of the ICJ. 1992–1996]. New York, OON, 132 p.

Lukashuk I. I. (2004) *Sovremennoe pravo mezhdunarodnykh dogovorov. T. I: Zaklyuchenie mezhdunarodnykh dogovorov* [Modern Law of Treaties. Vol. 1: Conclusion of Treaties]. Moscow, Volters Kluver, 658 p.

Marusin I. S. (2018) Dogovor o zapreshchenii yadernogo oruzhiya 2017 goda i perspektivy ego primeneniya [Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons and Perspectives of its Application]. In *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Pravovedenie*, no. 1, pp. 20–31.

Mikhailenko E. B., Degtyarev N. S. (2019) Evolyutsiya idei zapreshcheniya yadernogo oruzhiya v kontekste rezhima yadernogo nerastrostraneniya [The Evolution of the Prohibition of Nuclear Weapons Idea in the Context of the Nuclear Non-Proliferation Regime]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*, no. 62, pp. 115–127.

Müller H. (2020) What Are the Institutional Preconditions for a Stable Non-Nuclear Peace? In Sauer T., Kustermans J., Segaert B. (Eds.) *Non-Nuclear Peace. Beyond The Nuclear Ban Treaty*. Switzerland, Palgrave Macmillan, pp. 151–166.

Muratshina K. G., Pashkova T. V. (2019) Kitaiskaya Narodnaya Respublika i Dogovor o zapreshchenii yadernogo oruzhiya [The People's Republic of China and Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 441, pp. 160–168.

Rietiker D. (2019) The Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons: A Further Confirmation of the Human and Victim-Centred Trend in Arms Control Law. In Black-Branch J. L., Fleck D. (Eds.) *Nuclear Non-Proliferation in International Law. Vol. IV. Human Perspectives on the Development and Use of Nuclear Energy*. Berlin, Springer, pp. 325–353.

Tannenwald N. (2020) The Humanitarian Initiative: A Critical Appreciation. In Sauer T., Kustermans J., Segaert B. (Eds.) *Non-Nuclear Peace. Beyond The Nuclear Ban Treaty*. Switzerland, Palgrave Macmillan, pp. 115–129.

Tunkin G. I. (2009) *Teoriya mezhdunarodnogo prava* [Theory of International Law]. Moscow, Zertsalo, 416 p.

Volodin D. A. (2018) Pravitel'stvo Dzh. Tryudo i problemy yadernogo razorozheniya [The Administration of J. Trudeau and Problems of Nuclear Disarmament]. In *SShA i Kanada: ekonomika, politika, kul'tura*, no. 5, pp. 35–51.

Williams H. (2018) A Nuclear Babel: Narratives Around the Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons. In *The Nonproliferation Review*, vol. 25, no. 1–2, pp. 51–63.

Дата поступления рукописи в редакцию: 21.10.2024

Дата принятия рукописи в печать: 15.02.2025